

Прошло два дня, однако ситуация не изменилась.

Харуюки изо всех сил пытался запомнить имена, лица и характеры учеников класса 2С, в котором он теперь учился, так что особо раздумывать о Сейдзи Номи ему было некогда.

Харуюки, у которого всегда были проблемы по части общения с другими людьми и с которым разговаривали лишь те, кто над ним измывались, просто не мог поверить, что Тиюри мгновенно подружилась с несколькими девчонками и обедала вместе с ними. Даже Такуму, совсем недавно перешедший в Умесато, уже влился в компанию ботаников, которая на большой перемене в окружении непонятных формул на 3D-дисплее трепалась о том о сем.

Конечно же, если бы Харуюки хоть раз предложил любому из них «давай пообедаем вместе», они, скорее всего, отклонили бы приглашения новых друзей и пошли обедать с Харуюки. Но ему совершенно не хотелось так вот злоупотреблять дружбой с Тиюри и Такуму.

Здесь, как и в ускоренном мире, он сам должен был разбить свою скорлупу и подружиться хоть с кем-то. С этим настроением Харуюки изо всех сил вслушивался в разговоры мальчишек, пытаясь найти близкие ему темы, и шарил по локальной сети; но все разговоры в основном вертелись вокруг спорта, музыки и моды; Харуюки не услышал ни микросекундного обсуждения игр или аниме.

Что ж, надо стараться как следует, но без спешки. Даже мне есть с кем вместе обедать. Да к тому же она самая популярная девушка в школе.

Хоть он и подбадривал себя такими мыслями, положение дел было таково, что Черноснежка, вице-председатель студсовета, по уши зарылась в подготовку к предстоящей через несколько дней школьной экскурсии; она носилась из класса в класс, так что Харуюки даже в сети не мог ее поймать, не то что в рекреации на большой перемене.

Так и получилось, что с Черноснежкой он наконец-то смог поговорить только на выходных, во время очередного территориального сражения.

— И... йяааа!

Прямо перед глазами Харуюки правая нога угольно-черного аватара «Блэк Лотус» рубанула снизу вверх, оставляя за собой светящийся фиолетовый след.

Раздался грохот, и вражеский аватар ближнего боя развалился на две половинки от поясницы до плеча, отлетел назад, крутясь в воздухе, ударился о здание поодаль и застыл неподвижно.

Глядя на сообщение о победе, всплывшее посреди поля зрения, Харуюки увидел, что сегодня у

них было 80% побед, и с облегчением направился к командиру легиона.

— Эй, отличная работа, Сильвер Кроу, Сиан Пайл.

— Отличная работа!

— Отличная, да.

Следом за Харуюки откликнулся и Сиан Пайл, громадное тело которого появилось в проеме близлежащих руин. Затем он негромко продолжил:

— Простите, я сейчас сбежал с занятий секции, так что должен вас покинуть. Командир, желаю отлично провести время на Окинаве. И береги себя.

Проводив взглядом Такуму, который после этих слов поспешно разлогинился через команду «Бёрст аут», Черноснежка легонько рассмеялась.

— Ху-ху. Он уже стал полноправным членом секции кендо. Он сразу прошел в основной состав?

— А... ага. Да, насчет этого... насчет секции кендо.

Харуюки быстро огляделся, удостоверился, что трио соперников и десяток с небольшим зрителей уже отсоединились, но на всякий случай все равно продолжил тихо:

— Доказательств пока нет, но... в общем, один первоклассник, который тоже попал в основной состав, как и Таку, — кажется, Бёрст-линкер...

— ...Что?

Харуюки повернулся к Блэк Лотус — та скрестила руки-мечи перед грудью, и сиреневые глаза ее превратились в щелочки — и рассказал про позавчерашний турнир.

По окончании рассказа Черноснежка несколько секунд стояла молча. Наконец она подняла голову и, пробормотав: «Пока все равно непонятно», — прислонилась своей стройной спиной к ближайшей руине. Харуюки нерешительно сел рядом.

— Сейдзи... Номи, да? Не припоминаю его брата Юити. И в прошлом году, и в позапрошлом среди семпаев Бёрст-линкеров не было. Значит, даже если этот Юити был Родителем Сейдзи, к тому времени, когда я поступила в Умесато, он уже потерял «Брэйв Бёрст».

Прожевав непринужденно выпущенные в воздух слова Черноснежки, Харуюки проямлил:

— Ага. Значит... если Сейдзи Номи Бёрст-линкер, его Родитель должен ходить в другую школу.

— Такое редко, но бывает. По правде сказать, это как раз мой случай. Но главное... это точно? Этот первоклассник Номи точно ускорялся во время поединков?

— Доказательств у нас нет. Но... с другими видами спорта могло быть всякое, но это же кендо. Таку сам применял в кендо «Физикл бёрст», вряд ли он сейчас мог ошибиться...

— Хм...

Блэк Лотус легонько кивнула, потом вздохнула — Харуюки живо представил себе смущенную улыбку на ее лице.

— Однако теперь ты знаешь команду на физическое ускорение. Не буду запрещать тебе ее применять, однако пользоваться ей, чтобы стать героем игр с мячом, запрещено правилами «Нега Небьюлас».

— Я, я не буду ей пользоваться! Заплатить пять очков всего за три секунды — да я лучше потрачу десять и пойду в «Безграничное нейтральное поле». ...Ладно, главная-то проблема в другом: почему Номи не появляется в дуэльном списке.

— Да уж, в это трудно поверить, — прошептала Черноснежка, прищурившись. — После того случая с бэкдором полгода назад вышел патч, и теперь похожие фокусы уже не проходят. Если Номи Бёрст-линкер и подключен к локальной сети школы, он обязательно должен быть в дуэльном списке. Если его там не было, значит, Номи не был подключен к локальной сети.

— Н-но это, в школе разве вообще может ученик не подключиться к сети? Да еще во время занятий, и еще ведь был поединок по кендо!

— ...Честно говоря, да, это невозможно... — в ответ на возражение Харуюки черные зеркальные очки качнулись из стороны в сторону. — Разве что школьный сервер взломали, или... Нет, в любом случае это слишком рискованно. Если его на таких вещах поймают, исключат сразу, пусть это и средняя школа. В общем... скорее всего, он какой-то нелегальной программой маскируется от других Бёрст-линкеров...

— Да, такое раньше случалось. Мне тоже кажется, что это самое вероятное... — тихо ответил Харуюки, опустив серебряную голову.

— Однако даже если так — чего этот Номи добивается? Если он действительно хочет скрыть, что он Бёрст-линкер, то использование команд вроде «Физикл бёрст» должно дать обратный эффект. Мы ведь в основном из-за этого его и подозреваем. Более того: он уже должен знать наши реальные данные, однако до сих пор не воспользовался ими, чтобы вызвать нас. Чего же он хочет?

На вопросы Черноснежки, естественно, Харуюки ответить не мог. Подумав немного, он неуверенно произнес:

— ...Значит, мы должны выяснить, как он так делает, что не появляется в дуэльном списке, и вызвать его...

— В общем... да. У нас, Бёрст-линкеров, ничего не решается без дуэлей. Хотелось бы мне самой этим заняться, но, к сожалению, завтра я улетаю из Токио на неделю... Хмм, может, стоит притвориться больной и остаться...

— Нет, что ты, ни за что!!! — поспешно закричал Харуюки и принялся обеими руками отмахиваться от немислимых слов Черноснежки. — Экскурсия в средней школе, это же раз в жизни бывает! Езжай, пожалуйста, а с Номи мы сами как-нибудь разберемся!!!

— Мм... вот как? Хорошо, только не натвори каких-нибудь глупостей. Да, кстати, ты решил, что мне тебе привезти?

— Аа, нуу... мне неловко просить чего-то громоздкого... поэтому, нуу, хорошо бы посмотреть видео или еще что-нибудь, что семпай там снимет...

Точнее говоря, видео, на котором семпай.

Еще точнее говоря, что-нибудь вроде видео высокого разрешения с семпаем в купальнике.

И еще — в награду за успешную защиту территории — перешли это через 30-сантиметровый кабель Прямого соединения.

Выслушав просьбу, к которой Харуюки еще много чего добавил мысленно, Черноснежка склонила голову набок и ответила:

— Что, только и всего? Ладно, я тогда много буду снимать и все пошлю тебе по мэйлу. Сниму всю окинавскую еду, которую буду там есть.

На следующее утро, в воскресенье, Черноснежка вместе с еще 120 третьеклассниками средней школы Умесато отправилась в Ханэду, села в самолет и улетела на юг.

Конечно, с ней можно было в любой момент связаться через голосовой вызов или Полное погружение, но при мысли о нескольких тысячах километров физического расстояния Харуюки становилось неудобно, и он, просыпаясь ночью, подолгу ворочался на кровати, пытаясь снова заснуть.

Ну почему я не в том же классе, что и она.

Так он смог бы увидеть Черноснежку в купальнике собственными глазами во время экскурсии, и они бы вместе выпустились, потом пошли в одну и ту же старшую школу... хотя нет, пойти в ту же школу могло бы быть проблематично...

Раздумывая о том о сем, Харуюки вдруг увидел иконку голосового сообщения, зажегшуюся посередине поля зрения. Едва он понял, что это от Такуму, как тут же вскочил и прикоснулся к иконке пальцем.

«Хару, доброе утро. Насчет Номи — прости, что долго ничего не говорил. Я хотел как-нибудь подобраться к его нейролинкеру и проверить, там есть «Брэйн Бёрст» или нет, но мне так и не удалось... Я только фотку смог найти, прикрепил ее тебе. Сегодня утром у меня опять тренировка; если я что-нибудь узнаю, свяжусь с тобой. Пока».

Как только воспроизведение закончилось, вспыхнула иконка прикрепленного файла.

Харуюки наморщил брови, заметив большой размер файла, но, как только открыл его, понял причину. Это была групповая фотография всех новичков-первоклассников из секции кендо.

Нейролинкер содержит в себе камеру, так что с его помощью принципиально возможно снимать фото и видео в любое время. Однако это означает, что скрытно фотографировать тоже легче, чем с помощью старых мобильных.

Поэтому существует функция, не позволяющая делать снимки поля зрения с другими людьми, если только эти люди по сети не дали разрешение на съемку. ...Другое дело, разумеется, что есть люди, которые разными странными способами обходят этот запрет, — Черноснежка, например.

Харуюки и Такуму были с нейролинкерами не до такой степени «на ты», так что загрузить фотографию Номи они могли, только найдя где-то — например, групповое фото на память. Харуюки провел взглядом по изображению, развернувшемуся на все поле зрения, и среди окошек, всплывающих и исчезающих одно за другим, нашел наконец то, где было написано: «Класс 1А, Сейдзи Номи».

Лицо Номи — было натуральным воплощением юности и невинности.

Круглая шапка коротких светло-каштановых волос, спереди челка спадает на лоб. Глаза и нос, как у девочки; однако на губах уверенная улыбка, подобающая члену секции кендо.

— Ты... Бёрст-линкер?.. — прошептал Харуюки. Но, разумеется, Номи на неподвижной фотографии ничего не ответил.

Харуюки впечатал черты лица загадочного первоклассника себе в память, убрал фотографию и поднялся с кровати. Он решил было днем отправиться в Синдзюку или в Сибую, чтобы подуэлиться, но передумал — надел форму и пошел в школу. Если Такуму и Номи будут вместе тренироваться — как бы чего не вышло.

Зайдя на кухню, Харуюки покидал на хлеб ветчины и сыра, съел это все, потом оставил короткое сообщение еще не проснувшейся матери и, тихонько открыв дверь, вышел наружу. При взгляде на ярко-синюю небесную высь над домом в глазах у него заплясали искорки.

Если подумать — с тех пор, как Харуюки поступил в эту школу, впервые он шел туда в выходной.

Переобувшись у входа, Харуюки взглянул на часы. Подготовка и дорога отняли многовато времени — было уже 12.15. Он подумал было послать Такуму мэйл, чтобы узнать, он еще здесь или уже ушел, но решил, что быстрее будет выяснить самому.

Воскресным днем в школе было невероятно тихо.

И нельзя сказать, что школа была пуста. Со стадиона доносились голоса членов секций софтбола и легкой атлетики, а если бы Харуюки заглянул в столовую, то обнаружил бы там ребят из кружка изучения культуры.

Но в самой школе не горели лампы и висела такая тишина, что у Харуюки даже мелькнула мысль, не угодил ли он в какое-то незнакомое место.

Затаив дыхание (сам не зная, зачем), он прошел коридором первого этажа и очутился в физкультурном корпусе. Прошел мимо основного спортзала, откуда доносилось шуршание баскетбольных кроссовок, и двинулся к залу для единоборств —

— ...Сэааа!

Этот резкий возглас заставил его застыть на месте.

Из зала доносились и другие голоса, но среди всех этих ритмичных звуков он с легкостью вычленил пронзительный возглас Номи, который ему довелось слышать совсем недавно.

Харуюки, стараясь быть еще более незаметным, вышел из коридора в посыпанный гравием двор, затем прошел несколько метров вдоль стены и заглянул в окно спортзала.

Судя по всему, общая тренировка уже закончилась — на деревянном полу зала стояли лишь несколько членов секции. Все это были первоклассники; похоже, старшие приказали им тренироваться самостоятельно, и они, выстроившись в ряд, махали синаями. Харуюки их видел только со спины, но ученик близ правого края шеренги — щуплый и с взрослой каштановой прической — это, несомненно, был Сейдзи Номи.

Даже Харуюки мог с легкостью разглядеть, насколько резкими были удары Номи по сравнению с другими первоклассниками; за ними явно крылись недюжинные способности.

Харуюки закусил губу и подумал: зачем вообще Номи пользуется ускорением в поединках, если у него и так отличные способности? Может, у него какие-то обстоятельства, которые вынуждают его так делать? Как Такуму предполагал?

Харуюки тихонько вздохнул, и ровно в этот момент Номи вдруг прекратил упражнение.

Харуюки втянул голову в плечи, испугавшись, что его застукали за подглядыванием, но, судя по всему, дело было в другом. Даже не обернувшись в его сторону, Номи подошел к стене и прислонил к ней синай.

— Эй, Номи, ты еще не закончил, — окликнул его один из первоклассников, продолжая махать синаем. Пропустив эти слова мимо ушей, Номи взял свою спортивную сумку и направился к выходу из спортзала, как будто для него тренировка уже кончилась. Тот, кто к нему обращался, цокнул языком, а парень рядом с ним сказал:

— На «крутого-сама» общие правила не действуют.

Даже услышав неприкрытый сарказм, Номи не замедлил шага. Если он так и уйдет из зала, не сняв формы, то должен будет повернуть как раз туда, где прятался Харуюки; сообразив это, Харуюки отскочил от окна и укрылся за деревом по соседству.

Номи, похоже, его не заметил; он прошел прямо по коридору и исчез на лестнице, ведущей вниз. Там, в подвале, было помещение, куда Харуюки заглядывал даже еще реже, чем в спортзал, — бассейн с подогревом.

Он что, теперь плавать пойдет? Такая мысль мелькнула в голове у Харуюки, но он тут же выкинул ее из головы. Там, рядом с бассейном, должны быть душевые. Номи наверняка хорошенько пропотел после тренировки и, должно быть, собирается принять душ, прежде чем переодеться.

...Душевая.

— !..

Харуюки со свистом втянул воздух.

Судя по всему, остальные первоклассники еще какое-то время будут тренироваться. Из других спортивных секций поблизости не было никого. Значит, в течение нескольких минут Сейдзи Номи будет совершенно один.

Это шанс? Прекрасная возможность спросить у него, как ему удастся не появляться в дуэльном списке и почему он в упор игнорирует остальных Бёрст-линкеров из той же школы?

Конечно, он может начать отнекиваться. Но он уже воспользовался командой «Физикл бёрст» перед Харуюки и Такуму, про которых, по идее, уже знал, что они Бёрст-линкеры. Он как будто нарочно показывал это Такуму во время их поединка. Это было похоже на желание войти в контакт, разве нет?

Уверенности у Харуюки не было, но все равно он последовал за Номи, оглядываясь по сторонам.

Лестница, ведущая вниз, шла вдоль стены у самого входа в корпус, и Харуюки стал осторожно спускаться. Уроки плавания в Умесато не обязательные, и выбирать этот предмет у Харуюки не было ни малейшего желания; так что можно было без преувеличения сказать, что по этой лестнице он спускался впервые в жизни.

Дойдя до поворота, он осторожно выглянул из-за угла; там был короткий коридорчик, но Номи видно не было. Слева по коридору Харуюки увидел отдельные входы в душевые (там же, видимо, были и раздевалки). Он кинул взгляд на потолок, но знакомой полусферы Общественной камеры видно не было. Этот коридор и сами душевые — за пределами обзора камер.

Секунд десять Харуюки колебался, прячась за шкафчиком с метлами в углу коридора, потом наконец решился и двинулся к душевым.

Кинув взгляд на стену возле входов, он увидел яркие знаки: слева — розовый «для девочек», справа — голубой «для мальчиков». Кинув последний взгляд в сторону лестницы, Харуюки пошел, конечно, направо и, сделав несколько шагов, вслушался. Разумеется, если здесь окажутся другие ученики, не только Номи, ему придется отступить; однако голосов он не слышал. Ладони Харуюки взмокли от пота, и он вытер их о брюки.

...Бояться совершенно нечего.

Я тоже учусь в этой школе, и я мужского пола. Никто мне и слова не скажет, если я зайду. Я просто хочу поговорить с Номи наедине, узнать, чего он добивается.

Снова вытерев пот, Харуюки на деревянных ногах шагнул вперед и очутился в душевой.

Здесь было намного просторнее, чем он ожидал. Вдоль правой стены выстроились шкафчики для одежды. Посередине был длинный стол, на нем стояла стандартная школьная спортивная сумка. Вдоль левой стены находилось множество душевых кабинок. Их прикрывали серые пластиковые дверцы-панели, так что внутрь не заглянешь; но из одной кабинки в глубине душевой доносился шум воды и шел пар. И больше никого не было.

...Опоздал?

Харуюки тихонько вздохнул. Пока он сомневался и колебался, Номи успел войти в кабинку. Приставать к человеку, принимающему душ, у Харуюки не хватало наглости.

Видимо, придется уйти. С этой мыслью он попятился — и вдруг.

В полуоткрытой спортивной сумке на столе что-то бликнуло.

Харуюки мог видеть только часть этой штуки, но, судя по гладким контурам, это мог быть только нейролинкер.

Вообще-то это устройство, которое можно смело назвать вторым мозгом, нормальные люди, хоть чуть-чуть думающие о безопасности, не оставляют на виду. Не снимают даже при принятии душа или, скажем, запирают в шкафчик вместе с одеждой. Однако Номи был здесь один и, видимо, поэтому беспечно оставил его на столе, не стал убирать его в запирающийся шкафчик.

Если так — может, нейролинкер даже не отключен? При включении он первым делом проверяет состояние мозга, так что, если сейчас он выключен, то ничего не поделаешь; но если он в режиме ожидания, то Харуюки, подсоединившись к нему, сможет напрямую просканировать память.

Ну да — ровно таким способом Скарлет Рейн, Красный король, в январе подключилась к нейролинкеру матери Харуюки и оставила поддельный мэйл.

Конечно, это запрещено школьными правилами, да и неэтично. Если учителя пронюхают, что Харуюки втихаря подключился к нейролинкеру другого ученика, ему повезет, если он отделается суровым выговором.

Однако — сеть Общественных камер, следящая за жителями страны, не заглядывает в школьные туалеты и душевые. А без видеодоказательств школьная администрация обычно закрывает глаза на нарушения правил. Как это было с самим Харуюки, который ничего не мог поделать, когда одноклассники его избивали и запугивали вне поля зрения камер. Кроме того, напрямую подсоединившись к нейролинкеру Номи и заглянув в его память, Харуюки не только узнает, Бёрст-линкер Номи или нет, но и, возможно, выяснит, как ему удастся не попадать в дуэльный список.

...После двухсекундного раздумья Харуюки решился.

Он затаил дыхание и, вслушиваясь в доносящийся из кабинки плеск, подкрался к сумке и раскрыл ее пошире. Внутри поверх аккуратно сложенного блейзера лежал светло-сиреневый нейролинкер. Индикатор состояния подмигивал синим светом, показывая, что устройство находится в режиме ожидания.

Харуюки быстренько вытащил из кармана кабель, воткнул его конец в свой нейролинкер, затем, поймав болтающийся в воздухе второй конец, потянулся к тому, что было внутри сумки —

...Нет, погодите-ка.

Этот цвет. Сиренево-атласно-серебристый. Такой же знакомый, как цвет его собственного нейролинкера, — и не такой, как у Номи.

Мысли Харуюки застопорились; он застыл с кабелем в руке. И тут в его ушах раздалось поскрипывание поворачивающегося крана. Шум воды оборвался.

Прямо перед его машинально поднятыми глазами дверца-панель, скрипнув, откинулась в сторону.

Держа на голове и плечах большое полотенце, из кабинки вышла Тиюри Курасима. Столкнулась с Харуюки взглядами — и две пары глаз распахнулись на всю ширину.

Мысли в голове Харуюки взорвались. Хоть какое-то спасение, что его взгляд так и прилепился к лицу Тиюри, не в силах ни на секундочку опуститься ниже. Тиюри тоже застыла на месте в позе «девушка, вытирающая волосы».

В конце концов Харуюки обрел контроль над своим телом до такой степени, что смог кое-как шевелить губами, и прошептал настолько тихо, что это был почти и не голос вовсе:

— Тию... ты... почему в мужской...

И одновременно Тиюри моргнула и спросила:

— Хару. Что ты делаешь в женской душевой?

Чегоооо?

И лишь тут Харуюки заметил наконец, что вся комната, где он находился, была не в голубых, а

в розовых тонах. Пол с нескользким покрытием, гладкие стены, потолок, стол — все это было тускло-розовым.

...Но, но этого же, этого не может быть!!!

Харуюки выпучил глаза, пока его сердце вопило.

Я же точно вошел в дверь, где был знак «для мальчиков». Это была не табличка, а знак прямо на стене, так что поменять их в шутку никто не мог. Может, его просто покрасили, нанесли новую метку поверх старой? Да нет, на такую сложную операцию просто времени ни у кого не было.

Пока Харуюки на полной скорости крутил в голове всяческие мысли, до Тиюри, похоже, наконец дошло, в каком она и Харуюки находятся положении.

Она опустила взгляд на собственное тело, и ее глаза стали очень круглыми, а лицо залилось краской до кончиков ушей. Закрывшись руками, насколько могла, она подняла голову, сделала глубокий вдох...

Вот-вот должен был последовать невероятный по громкости вопль и взрыв ярости, однако прямо перед ним —

Снаружи раздались голоса болтающих учениц. И они приближались.

До Харуюки внезапно — но слишком поздно — дошло, что другим он эту ситуацию черта с два объяснит ошибкой или чьей-то шуткой.

Положение было очень опасным. Если школьная администрация узнает, это может кончиться временным отстранением от занятий или даже исключением — да тут может и полиция вмешаться.

Тиюри, должно быть, пришла к такому же выводу — от ее красного, как свекла, лица кровь отхлынула разом. Она и Харуюки продолжали оторопело смотреть друг на друга — а женские голоса тем временем звучали все громче.

Внезапно Тиюри выбросила вперед правую руку, ухватила Харуюки за галстук и бесцеремонно впихнула в душевую кабинку, из которой только что вышла. Потом заскочила сама, спиной прижала Харуюки к стене и перекинула полотенце через дымно-серую дверь.

Взяв в руку наконечник душа, она пробежалась пальцами другой руки по сенсорной панели, настроила температуру воды на максимальные 60 градусов и до предела открыла кран. Вырвавшиеся из душа струи яростно ударились о правую стенку. Из-за высокой температуры воды кабинка тут же наполнилась белым паром.

— ...Молчи и не дергайся!

И сразу после этого шепота Тиюри Харуюки ощутил по ту сторону дверцы присутствие как минимум трех девчонок.

— Блииин, от пота вся одежда липнет!

— Да, поскорей бы начать носить летнюю форму.

— Хотя бы сменить подушечку для линкера на сеточку.

Судя по всему, они были из легкоатлетической секции, как и Тиюри. Одновременно с голосами слышались звуки расстегиваемых молний.

Однако Харуюки, естественно, был не в том положении, чтобы воображать сцену, разворачивающуюся в комнате. Уткнувшись носом в стену и закрыв глаза, он стоял и молчал.

90% его мозга заполняла паника, но оставшиеся 10% продолжали пытаться сообразить, как он умудрился угодить в такое положение.

Он ну никак не мог спутать знаки мужской и женской душевых комнат — это абсолютно исключено. Физически заменить знаки тоже нереально. Стало быть, вариант остается лишь один.

Электронное наложение знаков в его поле зрения.

Кто-то перезаписал его визуальную информацию через нейролинкер. Запустил некую программу, которая поменяла изображение мужской душевой на женскую и наоборот. Поняв это, Харуюки задним умом сообразил, что знаки, которые он видел несколько минут назад, были слишком яркими для полутемного коридора. Они как будто бы сами светились.

По-прежнему оставалось загадкой, где и когда эта программа попала в его нейролинкер, но послал ее, скорее всего, он.

Сейдзи Номи.

Все это было ловушкой Номи. Он знал, что Харуюки подглядывал в окно спортзала. Он буквально отвел Харуюки к душевым и заставил влезть в женскую комнату, подсунув неправильные знаки. Он это сделал, чтобы убрать Харуюки, то есть Бёрст-линкера Сильвер Кроу, из средней школы Умесато.

Ужасно четкий, безжалостный и эффективный метод.

Как в тот раз, когда Черноснежка избавилась от ученика по фамилии Арая. А может, и еще мощнее.

— Ой, Ти? Ты еще там? — внезапно раздался голос с той стороны дверцы.

Ответный голос Тиюри раздался прямо над ухом Харуюки; тот слушал, ежась от страха.

— Ага, я тоже жутко вспотела.

— Да, накануне отборочных по району тренер расслабиться не дает.

Харуюки окутывал горячий пар, однако, будучи в футболке, рубашке и пиджаке, он весь настолько вспотел, что жара не чувствовал. Напротив, у него зубы чуть ли не стучали от мороза, продирающего по коже.

Если сейчас та ученица забавы ради откроет дверцу, большие проблемы ждут не только Харуюки, но и Тиюри. Хоть она и была первой жертвой подглядывания, ей грозит такое же наказание, как и ему.

— Эй, Ти, а у тебя там не слишком горячая вода? Парит просто страшно.

— А, мне просто нравится погорячее. И кровообращение стимулируется.

— О нет, ты говоришь совсем как моя бабушка.

Послышалось дружное «а-ха-ха-ха» сразу нескольких девчонок. Тиюри тоже рассмеялась, но Харуюки своей спиной, прижатой к ее, ощутил, что ее мускулистое тело слегка задрожало.

...Прости. Прости меня. Прости, пожалуйста. Я был идиотом. Если бы я не попытался влезть в нейролинкер в сумке, такого бы не случилось!

Так мысленно крича, Харуюки заскрежетал зубами — и тут.

Раздался скрип открываемой дверцы, и Харуюки от неожиданности вздрогнул.

Но это оказалась дверца соседней кабинки, куда вошла одна из тех девчонок. Потом раздались еще два звука открываемых-закрываемых дверей, а следом — шелест льющейся из душа воды.

Несколько секунд спустя Харуюки почувствовал, как Тиюри на мгновение отлипла от него — чтобы выглянуть наружу и проверить.

Тут же она юркнула обратно и, повернувшись к Харуюки лицом, одними губами произнесла: «Выметайся, быстро!»

Харуюки не дыша кивнул — он был не в силах даже поблагодарить Тиюри за смекалку — и неуклюже вывалился из кабинки.

Глядя только на выход, он заставил свое полускрюченное, непослушное тело сделать шаг, потом еще шаг. Если он сейчас упадет — или войдут еще девчонки...

От этих мыслей он едва не потерял сознание, но каким-то чудом его ноги все же не заплелись, и Харуюки сумел выбраться из комнаты. Пробежав коротким U-образным коридором, он очутился там, где были отдельные входы на мужскую и женскую половины, и, лишившись сил, привалился спиной к стене.

— ...Засранец!..

Выругавшись, он поднял голову и метнулся к настоящей мужской душевой, вход в которую был напротив.

...Однако. В голубовато-серой комнате никого не было. И никаких признаков того, что кабинками кто-то пользуется. Скорей всего, к тому времени, когда Харуюки влез в женскую душевую, Номи уже ушел.

— ...Дерьмооо, — простонал Харуюки и стукнул кулаком по стене.

Два часа спустя, в квартире семьи Курасима на 22 этаже, в комнате Тиюри.

Харуюки сидел на коленях, упершись лбом в пол.

— Прости меня, извини, облажался, ну прости, пожалуйста!!!

Он сам не знал, сколько раз уже произнес слова извинения, но все повторял и повторял.

Хозяйка комнаты, сидящая в своей школьной форме на кровати, скрестив руки, продолжала источать ауру убийства. С тех пор как она впустила Харуюки, явившегося извиняться, она не произнесла ни слова, однако это было еще страшнее.

То, что он натворил, было, конечно, ужасно — это Харуюки понимал. Но истинную глубину шока Тиюри, пожалуй, ни один человек мужского пола оценить не способен.

Ее абсолютно голое тело разглядывали в упор, с расстояния в метр, не больше.

Нет нужды говорить, что это куда большее преступление, чем вирус, который Такуму в прошлом году запустил в нейролинкер Тиюри. Это было совсем не то же самое, что совместные походы в баню, когда они были маленькими. Да, с тех пор все изменилось. Изящная ключица, четкая линия грудных мышц, соединяющих плечо с грудью, а под ними неожиданно большие белые —

— ...Вспоминаешь, да?

Эти внезапные тихие слова заставили Харуюки подскочить на сантиметр вверх, не меняя коленопреклоненной позы.

— Нет, я не вспоминаю, я ничего не помню!

— Врешь, у тебя все уши красные. Хочу предупредить: если ты будешь всякое странное воображать, то я, пока у тебя всю память не отшибет, в это самое... как его... а, да, будешь у меня нырять в «Безграничное нейтральное поле». На сто лет.

Харуюки опять подпрыгнул.

— Я, я не буду, не буду!

...Честно говоря, если Тиюри сейчас заставит Харуюки воспользоваться командой «Анлимитед бёрст» и потом будет час за ним следить, то там, внутри, пройдет сорок дней. И картина, хранящаяся у него в мозгу, изрядно затуманится.

Однако все это время за ним будут гоняться другие Бёрст-линкеры и «энемы», и, помимо потери памяти, он еще страшно вымотается; поэтому Харуюки отчаянно замотал головой.

— Я уже забыл, я суперзабыл!

— ...Ладно, какое именно возмещение мне нужно от Хару, я еще как следует подумаю. А пока этот вопрос отложим.

В очередной раз фыркнув, Тиюри запустила Харуюки в голову чем-то мягким. Подняв глаза, он увидел, чем именно — большой подушкой.

— Можешь уже подняться с колен, просто сядь.

— А... ага.

Кивнув, Харуюки подобрал подушку. Сперва ему показалось, что это слон, но нос оказался коротким, зато ног было три пары, то есть шесть штук.

— Это, это что?

— Тихоходка. Самое сильное живое существо на Земле... Так, не отвлекайся! Ты говорил, что залез в женский душ из-за вируса, а подсунул его тебе какой-то тип по фамилии Номи... это правда?

Харуюки поспешно уселся на странное животное в сэйдза и закивал.

— Д-да, конечно. Я же точно вошел в мужскую душевую. Я, конечно, тупой и не от мира сего, но не настолько же, чтобы перепутать голубой с розовым.

— Но когда он подсунул его тебе? Ты же с этим Номи даже не говорил еще, да?

— А... ага.

Он медленно кивнул.

Действительно, как вирус угодил в его нейролинкер, оставалось полной загадкой. Это должен был бы быть контакт между нейролинкерами где-то в течение недели между приветственной церемонией и сегодняшним днем, но самому Харуюки не шли в голову идеи, когда именно это могло случиться.

Если бы ему удалось изучить сам вирус, то, может, он и узнал бы время, когда тот попал в нейролинкер, но, сколько бы Харуюки ни шерстил память, никаких посторонних программ обнаружить не удалось. Проглядев журнал активности нейролинкера, он обнаружил, что сразу после того, как он вошел в женскую душевую, какой-то неизвестный файл стер сам себя. Поскольку Харуюки не припоминал за собой ничего подобного, то, скорее всего, это и был вирус, который достиг своей цели — он был настроен так, чтобы, поместив в поле зрения Харуюки фальшивые знаки, тут же самоуничтожиться.

— Но тогда... — Тиюри наморщила густые брови и склонила голову набок. — Если он смог это сделать, почему он не снес полностью операционную систему нейролинкера или не стер «Брэйн Бёрст»? Если ему нужно, чтобы ты не дуэлился, то это разве не эффективнее?

— Никакой вирус не может стереть системные файлы. Максимум, что он может, — устраивать

всякие шуточки с помощью функций нейролинкера. А что касается «Брэйн Бёрста» — когда человек становится Бёрст-линкером, он может скачать программу у кого угодно. Иначе невозможно было бы апгрейдить линкер. Если, конечно, не заменять главный чип в новом линкере...

После этих слов Харуюки тоже наморщил брови.

— Нет, но... по правде сказать, если он настолько крут, что может подменять картинку и звук, то он мог бы вместо шуточек устроить что-нибудь посерьезнее... Например, красный сигнал светофора заменить на синий[1] или замаскировать машину на дороге... он даже убить меня мог?..

— У, уби-...

Нечаянно вскрикнув, Тиюри поспешно закрыла рот руками, чтобы ее мать, которая была сейчас в гостиной, ничего не услышала, и вновь повторила:

— Убить, эй, ты чего говоришь?! Это, это уже не игра.

Харуюки мог лишь слабо улыбнуться и покачать головой.

— «Брэйн Бёрст» — это игра, но в то же время не игра. Такие, как Номи, пользуются ускорением, чтобы чего-то добиваться в реале, и они готовы на все, чтобы сохранить эту силу. Подумай: если бы не ты вышла тогда из кабинки, а какая-нибудь другая девчонка, я бы уже...

— ...Сидел в полиции, да, — запоздало содрогнувшись, прошептала Тиюри. — Но... тогда, значит, этот Номи еще какие-нибудь ловушки нам подстроит? Не только Хару... Так-куну, Черно-семпай и мне, нам всем это угрожает?..

— Ну нет, я ему этого не позволю, — необычно суровым для себя тоном перебил Харуюки, стараясь отогнать тревогу Тиюри. — Теперь мы понимаем, что этот тип из себя представляет, и не будем просто сидеть и ждать. Может, мы с Таку уже завтра им займемся. Не хотелось бы, но... если понадобится, мы насильно подрубимся к нему Прямым соединением и выясним, как ему удастся не попадать в дуэльный список.

— ...Хару...

Тиюри, однако, по-прежнему смотрела уныло; она закусила губу и опустила голову.

— Я... мне это как-то не нравится. Что-то неправильно. Это всего лишь игра... Но Хару и Так-кун, и Номи тоже, вы все как-то не развлекаетесь.

— Не-неправда, — поспешно замотал головой Харуюки — но в то же время подумал, что у Тиюри есть все основания считать именно так.

У нее редкий аватар, «хилер», но она еще ни разу не участвовала в дуэли. Размер и детализация арены, горячка боя и восторг победы — все это Харуюки хотел бы показать ей, и как можно быстрее, но придется неделю подождать, пока в Токио не вернется Черноснежка.

— П-по крайней мере я изменился, когда установил «Брэйн Бёрст»... я смог наконец как следует поговорить с Таку, и мой параметр покорности тоже вроде бы чуток ниже стал...

Услышав эти слова, не очень-то связанные с предыдущими, Тиюри моргнула, потом понимающе улыбнулась.

— ...Да, пожалуй, это верно. Прежний Хару, после того как увидел меня голой, наверняка бы месяц от меня бегал, даже не извинившись.

Гх.

Вновь в голове Харуюки всплыла та проблемная картина, и, чтобы спрятать заалевшее лицо, он опять бухнулся лбом вниз.

— Прости меня, извини, облажался, ну прости, пожалуйста!!!

— Кончай уже!

В голову Харуюки прилетела еще одна подушка.

Затем Тиюри, к которой вернулся ее острый язычок, тихо заявила:

— И еще — хочу предупредить. Если про тот случай в душе ты расскажешь Так-куну, я тебя разорву на кусочки. А потом еще Черно-семпай расскажу.

— Э...

Харуюки застыл на месте.

Да, он совершенно не собирался рассказывать о случившемся Черноснежке, но поделиться с Такуму планировал — сразу после того, как покончит с извинениями.

— Та... Таку тоже нельзя?

— Конечно! Ты вообще чем думаешь!!!

Харуюки получил по голове третьей подушкой. Вот как, это для нее очевидно?.. Но тогда как он объяснит нападение Номи? Нет, надо будет только сообщить, что Номи его завел в женскую душевую, тогда не придется рассказывать, что он там наткнулся на Тиюри.

Чувствуя стыд за то, что приходится держать что-то в секрете от лучшего друга и товарища, Харуюки сделал глубокий вдох и выбросил эти мысли из головы.

Сейчас не самое подходящее время копаться в том происшествии в душевой.

Номи объявил войну. И в этой войне от них потребуется полное напряжение сил. Если возможно, Харуюки хотел бы, чтобы проблема решилась до возвращения Черноснежки с Окинавы. Он не хотел подвергать ее опасности.

Сам себе говоря это, Харуюки вышел из квартиры Курасимы и поднялся на два этажа, к себе.

Однако Харуюки ошибался. Он не знал, что уже прошел точку невозврата.

Он не знал, что война уже не только началась, но и закончилась.

Примечания

↑ В Японии разрешающий сигнал светофора синий, а не зеленый.

<http://tl.rulate.ru/book/16997/344348>